«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе и внешним связям
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Белавин А.М.

«28» 11 2017 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Новосёловой Екатерины Алексеевны

«ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ю. В. ТРИФОНОВА»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 Русская литература.

Предпринятое Екатериной Алексеевной Новосёловой диссертационное исследование представляется *актуальным* по проблематике и по выбранной методологии. И объект исследования, и применяемые в диссертации исследовательские методы располагаются в сфере не только литературоведения (где пик изучения повседневности в литературе пришелся на середину двухтысячных годов), но и других полей гуманитарного знания. Изучение категории повседневности в литературе сегодня, как правило, опирается на междисциплинарные исследования в философии, социальной и культурной антропологии, социологии, культурологии: Э. Гуссерля, А. Шюца, Б. Вальденфельса, А. Лефевра, М. Серто, Н. Элиаса и др. Так, подходы, основанные на междисциплинарном синтезе социальной философии и филологии, осуществлены в диссертациях Т.Г. Струковой, О. В

Пустовойтовой, К.А. Воротынцевой и др., посвященных категории повседневности в литературных текстах. В работах И.В. Саморуковой и М.В. Селеменевой рассматривается поэтика повседневности в прозе Ю.В. Трифонова. То есть поэтика повседневности стала важным аспектом трифоноведения (в целом имеющего почтенную традицию): литературоведческая полемика, начавшись в 1960-1970-х годах в спорах о «быте и бытии» в прозе Трифонова, со временем приобрела академический характер и развивается в цеховой преемственности. Работа Е.А. Новосёловой достойно продолжает обозначенную традицию, диссертантка находит собственный исследовательский путь в интерпретации темы.

Новизна подхода состоит в том, что объектом анализа, в отличие от предшественников, Е.А. Новоселова избирает не предметный мир повседневности, не сюжетные ситуации, репрезентирующие повседневность как основную составляющую художественного мира Трифонова. Предметом изучения становится понимание Трифоновым повседневности как «течения жизни», повлекшее поиск формы и приемов, направленных «на выражение ее протекания» (с.21 диссертации). Нам представляется ценными и результативными две важных задачи работы. Первая - сосредоточение внимания на рефлексии героя и автора о повседневности, что приводит к важным выводам об авторефлексивной природе прозы Трифонова и, в частности, об авторефлексивном характере последнего цикла рассказов «Опрокинутый дом». В нем, как убеждает анализ Е.А. Новосёловой, Трифонов «переписывает» свои ранние рассказы в иной ценностной перспективе. Вторая важная задача – целостно-системный подход к исследованию материала, установка на изучение эволюции проблематики и поэтики повседневности в прозе Трифонова Акцент сделан на ранних и поздних произведениях автора, в том числе тех, что не получили должного внимания исследователей-предшественников; наиболее изученный «зрелый» этап из рассмотрения исключен. Такой ракурс исследования позволяет диссертантке определить содержательную эволюцию в изображении

повседневности писателем: «Меняя в соответствии с уточняющейся концепцией формы и приемы передачи повседневности, писатель проходит путь от изображения повседневности через бытовые детали до формулирования жизнеобъяснительных выводов» (с. 21 диссертации). *Теоретическая и практическая значимость исследования,* таким образом, видится нам в уточнении векторов творческой эволюции Ю. Трифонова, в выявлении авторефлексии в трифоновской поэтике повседневности, в выработке исследовательской модели изучения поэтики повседневности, которая может найти применение в изучении творчества других писателей.

Сам факт внимания к категории повседневности сегодня, нам представляется, приобретает новую актуальность. Прежде всего, в связи с антропологическим поворотом в гуманитарных науках, меняющим взгляд на повседневность. Последняя интересна теперь не столько как система знаков, сколько как поведение конкретного человека в его повседневных ритуалах (т.е. в духе исследований К. Гирца) – и тут оптика Трифонова кажется очень современной. Кроме того, работы С. Бойм и К. Богданова, а также новые исследования политик памяти (Хальбвакса, Ассман и др.) понуждают пересмотреть заново повседневные практики советского периода (в том числе эстетические).

Композиция работы выстроена в соответствии с общей установкой на изучение поэтики Трифонова в ее эволюционном развитии. Первая глава посвящена способам изображения повседневности в трифоновской прозе 1950 – 1960-х годов. Здесь показано движение писателя от фиксации повседневности в повести «Студенты» - через поиск «другого» экзотичного начала в туркменской прозе или через столкновение с экстраординарным неповседневным событием - к формированию высоко отрефлексированного экзистенциального переживания повседневности в пространстве памяти. На уровне авторской поэтики результатом такого движения, по мнению исследовательницы, становится формирование новых способов организации

«точки зрения» в повествовании и создание образа полиреальности. Вторая, наиболее обстоятельная, глава посвящена исследованию романов «Старик» и «Время и место». Автор диссертации приходит к выводам об устойчивости констант и универсалий, формулируемых Трифоновым в понимании повседневности. Третья глава, о принципах конструирования реальности в цикле «Опрокинутый дом», представляется нам наиболее зрелой, интересной в выводах о «сворачивании» понимания повседневности в итоговые «формулы» в последних текстах Трифонова. Здесь убедительно доказана гипотеза об авторефлексивном переосмыслении писателем ранних текстов, «дочерпывании» их, перекодировке в пространстве памяти. Слова Трифонова «Тогда я подумал, а потом узнал» претворились в рассказах последнего цикла в авторский метод, и это может служить главным доказательством тезиса об авторефлексивной природе творчества писателя.

Обоснованность научных положений и достоверность выводов исследования обусловлена качеством филологического анализа текста – точного, подробного и убедительного. Диссертантка, в частности, корректно применяет одну из методик нарративного анализа – исследование «точек зрения». Нарратология напрасно не названа в описании методологии исследования (возможно, потому, что в описании обозначены методы, а не конкретные методики) - выполненный нарратологический анализ оказывается эффективным. Он обнаруживает особые ракурсы вИдения героев и повествователя, «двойного», например, зрения – именно оно маркирует перемены в ощущении повседневного протекания жизни героями и эпизоды авторской рефлексии. Двойное зрение обеспечивает и переключение модусов полиреальности, переходы из онтологического в экзистенциальное и т.п. Мотивный анализ (выводы его тоже скромно не акцентированы) позволяет выявить неявные крупные мотивы: «свет», «песок», «река», «лед». Мотивная сеть обеспечивает целостность трифоновского текста и могла бы характеризовать направление его эволюции

(этот аспект не задействован в выводах). Успешно, последовательно и профессионально применен структурно-семантический анализ текста: всякий раз в первую очередь анализируется структура произведения - и даже на уровне композиции (разбиения текста на части) обнаруживается внутренняя неоднородность текста. На границах между частями, как правило, располагаются и границы точек зрения, и следы «оповседневнивающих» (терминология диссертантки вслед за М. Вебером) абстракций-обобщений. Собственно, анализ любого произведения Трифонова начинается в диссертации с выявления бинарных оппозиций, наполнение которых варьируется в зависимости от художественных задач писателя на конкретном временном отрезке его творчества. Это оппозиции «*я-тогда/ я-сейчас, ощущение/ знание, предварительные итоги/ окончательные констатации, временное/ вечное, движение/ статика, близкое/ далекое* и др.». Отчасти бинарность изначально задана молчаливым предположением исследовательницы о наличии оппозиции повседневное/универсальное у Трифонова. (Но, думается, скорее, в культуре вообще). Вроде бы это неизбежно: структурно-семиотический анализ принципиально невозможен без установления первоначальных оппозиций. Однако иногда объяснительные конструкции в работе представляются нам даже избыточными - порой детальный анализ текста говорит сам за себя. В частности, необязательной представляется заимствованная из социальной философии схема, описывающая «оповседневнивание» абстракций.

Органичные и в целом убедительные выводы диссертантки о репертуаре приемов и средств, позволивших Ю. Трифонову эксплицировать повседневность в специфических художественных формах, представлены в «Заключении» диссертации. Основные положения работы адекватно отражены в автореферате и семи публикациях, три из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Разумеется, работу надо оценивать в части того, что в ней есть, а не того, что отсутствует. Однако нам представляется, что понимание уникальности художественных решений Трифонова невозможно вне синхронного литературного контекста, который не стал предметом специального внимания Е.А. Новосёловой. Нельзя сказать, что литературный контекст не анализируется вовсе. Автор работы справедливо связывает интерес к повседневности в литературе с тенденциями натуральной школы, потом Чехова, народников. (Именно Чехов, конечно же, ближе всего трифоновскому пониманию повседневности, связанному не столько с предметным миром или социальным анализом, сколько с проблемами онтологического и экзистенциального характера). В первой главе контекст тоже присутствует: ранние произведения Трифонова рассмотрены в ряду современников – названы не очень известные сегодня повести Добровольского и Коновалова. Однако в главах о позднем творчестве трифоновские свершения, видимо, закрывают от внимания исследовательницы поиски его коллег. Возможно, в процессе защиты диссертантка сочтет возможным поместить поэтику повседневности Трифонова в ряд иных авторских поэтик: его современников или писателей следующих поколений.

От себя заметим, что проблематика повседневности сегодня вдруг оказывается на новом витке популярности в связи с влиянием на литературный процесс новых коммуникаций и технологий. В частности, социальных сетей, провоцирующих новую дневниковость, по-разному проявляющуюся у таких, например, авторов, как Евгений Гришковец (романы о ЖЖжизни) или Дмитрия Данилова («Горизонтальное положение» «Описание города», «Сидеть и смотреть»).

Следует отметить не только продуманность содержательных аспектов представленной к защите работы, но и тщательность ее оформления - обширную информативную библиографию и высокую речевую культуру.

В целом диссертационная работа Екатерины Алексеевны Новосёловой представляет собой самостоятельное законченное исследование, имеет теоретическую и практическую значимость и является самостоятельным вкладом соискательницы в науку. Диссертация соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9–14).

Автор работы, Новосёлова Екатерина Алексеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук (10.01.01–русская литература), профессором кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Абашевой Мариной Петровной,

Эл. адрес: m.abasheva@gmail.com Служебный адрес: 614000, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Тел. (342)2386471

Отзыв утвержден на заседании кафедры новейшей русской литературы

28. 11. 2017 (протокол № 3)

Служебный адрес: 614000, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Тел. (342)2386471
kafnovrusslit@gmail.com

Зав. кафедрой новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета кандидат филологических наук, доцент
Даниленко Юлия Юрьевна

danilenko.juli@mail.ru

Собственноручная подпись
Даниленко Ю.Ю.
УДОСТОВЕРЯЕТСЯ
Зав. отделом
ОДП ПГГПУ Веселова